ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

ЖУРНАЛ ТАПП. ■ ■ ■ Декабрь 1927 г. № 2 (13).

ОДЕССКАЯ ГОРОДСКАЯ ЗЕМ.
1 ИЮЛ 1928
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б.) И. Сталин.

Стихи

СЕЛО МЕДВЕЖЬЕ.

I.

Колючий ельник у дорог застыл.
Здесь сутками не встретится прохожий.
Верста считается за полторы версты,
И избы здесь на избы не похожи.
Село Медвежье—тихое село.
Слепая мельница тремя крылами машет.
Четвертое болезнями свело,
И душит мельницу беспрерывный кашель.
А над прудом, где по колено грязь
(Что по колено — сунься-ка, измерь-ка!),
Когда-то и какой-то князь
В честь трех святителей поставил церковь.

. . . . . .

II.

Клуб комсомола—баня за селом.
Мигает лампа на разбитой шайке,
Звенят слова в оконное стекло
О продналоге, о земле, о спайке...
И всех задорней—Миша Кузнецов:
— Пора заняться настоящим делом,
Нам в сельсовет не надо подлецов,—
Лишь тот войдет,
Кто наш—душой и телом!..
Вот мельник прав
Какой он к чорту пред?..
А секретарь Чижов?..
Он спекулянт и жулик.
От этой сволочи непоправимый вред,—
Ведь все село они в дугу согнули..
Осенний ветер пляшет за окном
И чья-то тень прижалась к старой раме.
Село забылось полумертвым сном,
Окутанное темными лесами.

III.

Сегодня мельнику совсем не по себе,
Трудненько стало об'ясняться с Таней.
Тоскует девка в батькиной избе
По комсомольской закоптелой бане.
Грубит и бесится, совсем ушла из рук,
— Аль мало женихов, помимо злыдня—Мишки?
Подумаешь, какой селькор и политрук,
Газету выписал, а нет к зиме пальтишки.
— Ну, ладно уж... Я с ним поговорю...
Они забудут все свои привычки...
Матрена, слышь, сходи к секретарю,
Чтоб сам пришел и захватил «водички»...

IV.

В избе содом... от пляски пыль столбом,
У преда лысый маслится затылок.
— Татьяна, дай-ка хлебца с огурцом,
А ты Чижов—еще... пяток бутылок!
Чижов, невеста, ведь, не проворонь, дурак...
— Ха-ха-ха-ха...—иди за самогоном!
— За ррреволюцию, товарищи, ур-ра!
— За власть ссоветскую! — За новые законы!
— Вот комсомольцев—к чорту разогнать!
— А долго что-ль? ударил раз и крышка.
— Товарищи... Молчите... Мать... Мать... Мать!..
Все пропадут, убрать селькора-б Мишку...
И снова пляс до поту, до рассвету
А через улицу, с заботливым лицом,
До петухов писал статью в газету
Неугомонный Миша Кузнецов.

V.

Шли дни. И осень сыпала дожди.
Медвежье мутью надолго закрылось.
Теперь уж солнца до весны не жди,
Не жди, чтоб за гумном
Подсолнух за ночь высох

———

Ложатся рано мужики на печь.
Лишь все толчется в бане комсомолье:
Один зубрит, другой готовит речь
Об удобрении и о многополье.
Сидят, судачат про своих отцов:
— Сдаются... да... Но не совсем-то быстро...
Сюда спешил и Миша Кузнецов,
Когда раздался—одинокий выстрел...

VI.

Там, на кладбище, новые могилы.
Здесь, в тесной бане—новые борцы.
Растет в Медвежьем молодая сила,
Сдаются в битве старые отцы.

———

Не вышла замуж за Чижова Таня.
Она теперь—ответственный селькор.
Ах, эта старенькая, маленькая баня
И этот дружеский, товарищеский спор!

———

Была бы жизнь кошмарна и несносна,
Когда-б она стояла,—не текла.
Плывите-ж вы навстречу новым веснам
Из каждого Медвежьего села!..

Вас. Александровский.

Наши будни.

В наших днях не мало яркой нови,
Наши будни — радостная быль.
Труд упорно будущность готовит,
Сваливая прошлого столбы.
Каждый день какая-либо мелочь
Говорит наглядно об одном:
Мы растем. Крепчает наше дело
На пути нелегком и большом.
Говорят, что путь велик и труден,
Говорят, что многим не дойти...
Или руки опускать мы будем,
Половину лишь пройдя пути?
Много в мелочи увидит, кто захочет;
В этой мелочи я вижу размах сил:
Незаметный коммунист - рабочий
На собрании Зиновьева покрыл.
Мировой, испытанный оратор
Произнес классическую речь,
Но не смог известный агитатор
Мастерскую за собой увлечь.
Зал молчал. В ответ — недоуменье...
Верить? Нет? Немой вопрос повис...
И тогда взял первым слово в преньях
Рядовой рабочий - коммунист.
Говорил:
В борьбе мы не жалеем сил,
Нашей волей крепок новый строй.
Вот, — руками тружеников ленинских,
Выкован и пущен Волховстрой».
Говорил недолго он и просто,
Лишь блестели зоркие зрачки.
Кончил он. И в зале долго
Переплескивались дружные хлопки.
Стало вдруг понятно, все, так ясно,
Дали нужный смысл слова его.
За единство,
За борьбу — единогласно
За — собрание и против — никого

Измаил Голубев.

———

Трое.

Отзвенела в осень
медь берез.
Ветер за село в синь
лист унес.
Лебеда да донник—
у земли...
На полей ладони
дождь полил.
На полях уж нету
ни черта.
Надоела эта
пустота...
Вот и ночь глухая...
Звонок лед.
Я один шагаю:
путь далек.
Все мы больше просим
чем дано...
На полях-же: осень,
я, да ночь.
Мы шагаем рядом.
Тишина...
Месяц синим взглядом
ловит нас.
Нас всего лишь трое,
мы одни...
Только за горою—
синь, огни.
Лик луны—над нами,
ветер стих.
Я несу как знамя
нежный стих...

Павел Добрынин.

Отчего?

Дни идут. Проходят мимо
Под любовь, под плач, под смех.
Отчего среди любимых
Ты любимее мне всех?
Помнишь встречу у вокзала?
(Эту-ль встречу позабыть...)
Ты сама тогда связала
Наших бурных две судьбы.
Сердце, сердце, полно биться!
Видно так тому и быть,
Что любовь такая птица:
Погостит и улетит.
Дни идут. Проходят мимо
Под любовв, под плач, под смех.
Отчего-ж среди любимых
Ты любимее мне всех?

Алексей Медведев.

Он-ли?

Рис. В. Гильберта.

РАССКАЗ С. КЛИНСКОГО.

Сказка про Тита — недаром. У меня сын — ни дать, ни взять Тит.

Молотить — у него брюхо болит, а как кашу есть, подавай ему большую ложку.

Чуден был мой Федька, — у нас в округе верст на 15 нигде, кажись, больше такого чудака не было.

С виду — хряк настоящий. На работу ленив, знай морду растит, отожрался — во физия какая стала. Головища огромная, по той еще причине, что больно космат был Федька, а что-б причесаться — этого у него в заведеньи не было, так и ходил не чесанный. Нешто только ребята, когда в драке иной раз «причешут». Да и то редко, потому, что Федька не очень с ребятами дружил, а к девкам и совсем не мог подступиться, — смешной был парень.

Чего лучше, по неделе не умытый ходил, и пословицу приводил, что волк, мол, никогда не умывается и то его люди боятся.

В праздник это ребята с девками хороводы водят, песни поют, а Феде моему все, вроде, дремлется, а то возьмется с ребятами малолетками собак втюзыкать. А што-б, скажем, книжку взял Федя в руки, так это и быть не могло, потому из всей грамоты знал он только буки-аз, ба-ба. Чтоб понятие, осмысленность в его глупую голову вложить, принимал я всяческие меры: не одни вожжи об Федьку измочалил.

Бабу свою не раз бивал: как, мол, тебя угораздило дитятку такого на свет произвести. Ну только никакого толку от мер моих не было.

А тут пришло время Федьке в Красную армию идти. Мать это плачет: — Ох, горюшко головушке твоей неразумной.

Да и то: — как же не горюшко, коли дурак, как есть первостатейный.

* * *

Время идет, как водица течет. Служит наш Федька и служит.

Бац, получаем письмецо. Пишет головушка неразумная, что живу, мол, хорошо, жив, здоров и всем кланяюсь. А я, говорит, приступил ко всяким наукам и теперь неграмотность по боку.

Мать от радости в слезы, а я себе думаю: вряд-ли, мол, што путное из Федьки выйдет, — не мало, мол, палок об его спину, гляди, изломали.

Посмотрю я, мол, на тебя, каков ты домой придешь.

И что же ты думаешь, — приехал парень — узнать нельзя.

По обличью то Федька все такой же мурластый, а только статный стал парень, и по разговору не тот.

Вот так, мол, штука!

А он, это, поздоровался честь-по-чести, разговоры завел. Мать самовар скорей ставить, а Федька говорит: — Умыться-бы с дороги-то.

Стал умываться, мыльце это у него духовое, коробочка с мелом и щеточка этакая длинненькая, беленькая.

Ах, пралик тебя расшиби.

Стою я, да смеюсь.

— Нешто, говорю, ты барышня кружевная, што-б зубной лоск наводить. Это, говорю, безделье.

А он тихо так, благодарно и говорит:

— Знаешь-ли, говорит, что есть зуб?

— Как, говорю, не знать, дурак и тот знает, что есть зуб.

— Плохо, говорит, папаша, знаешь. Красноармеец есть защитник революции и всех завоеваний и всегда он на страже и должен здоровым быть. А что-б здоровым быть, должен гигиену соблюдать. Понял?

— Все, говорю, мне понятно, а только на счет зубной гиены — ерундистика одна. Ни к чему. — Махнул я рукой, — не стоющий, мол, это разговор, и ты, думаю, как был неразумным, так и остался.

Тут скоро самовар поспел, чай пить садимся, а Федька сундучек свой открыл, книжек охапку вытащил.

— Это, говорит, для крестьянского пользования. Тут, говорит, про все есть.

И опять разговор о «гиене» завел. Сыплет тебе по-ученому. С маленького начал, с зуба, а кончил в общем масштабе. От зуба к пищеварению перешел, как пища, стало-быть, варится в желудке и прочее. Так расписывает, што твой фельшер Иван Кузьмич.

— Мы, говорит, обязаны свое здоровье соблюдать для пользы революции и хозяйственного строительства и нового поколения...

И таким манером довел свою речь до хозяйства. И как надо семена сортировать, и как поле удобрять, и чем, и какие к чему орудия производства и прочее.

Дался я тут диву.

— Да ты, спрашиваю, в каких ниверситетах обучался?

— Сам, говорит, знаешь: в Красной армии.

Не вытерпел я, спросил, вроде шуточно:

— Чем-же, говорю, тебя учили?

— То-есть, как это чем? — спрашивает.

— Ну, а так, мол... Дома, вот к примеру, вожжа... кнут.. А там?

Смеется.

— Там, говорит, одно товарищеское обращение.

Еще больше диву я дался.

— Как-же такое, думаю... Я двадцать годов о парня орясины ломал и все без толку, а в Красной армии... Вот и поди...

XVII ТУЛЬСКАЯ ГУБПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ.

Фот. В. Сэпп.

Перед конференцией: 1 и 2 — приезд т. Ворошилова. Митинг на Курском вокзале, 3) подарок конференции: печатники записываются в партию.

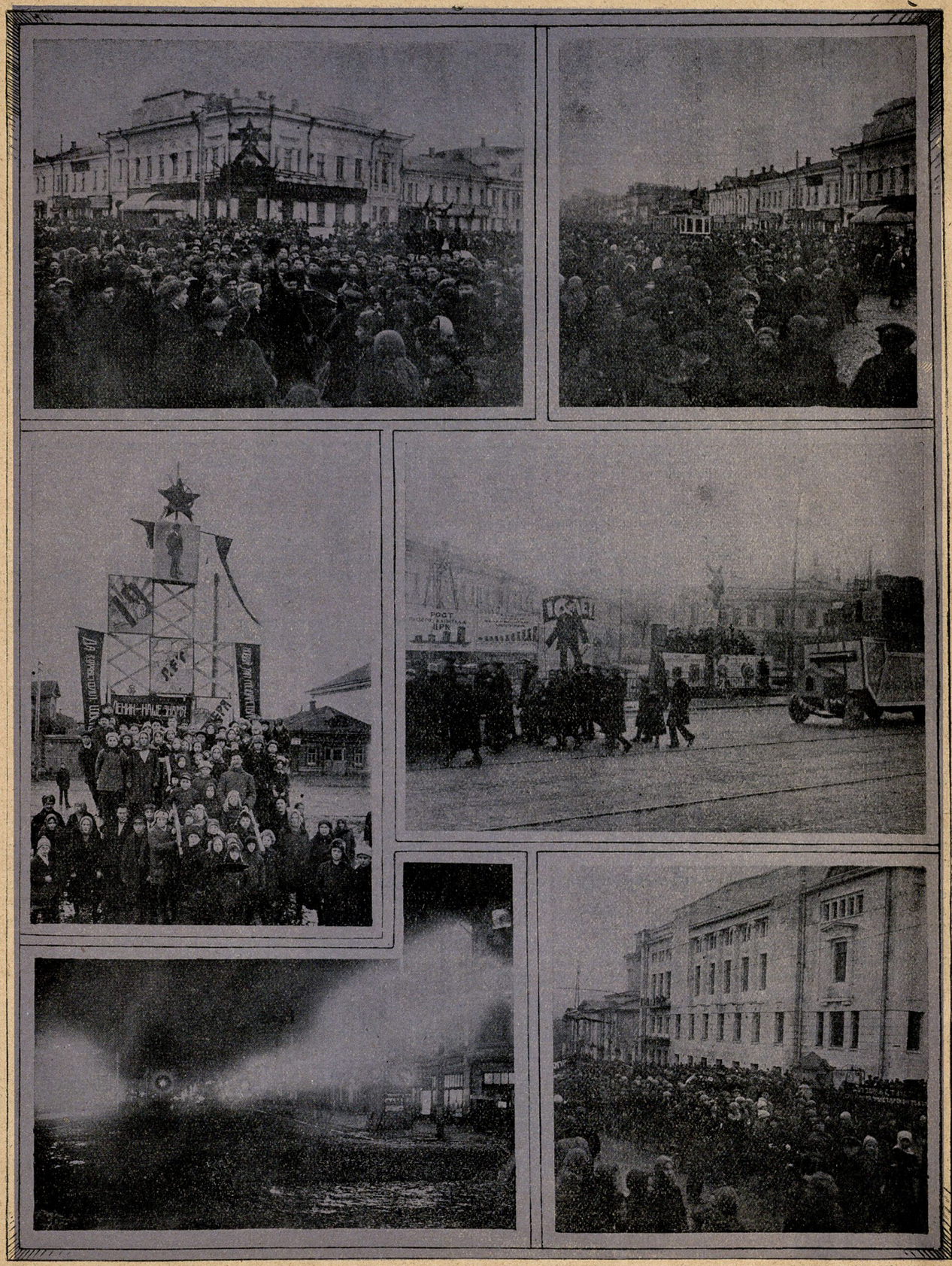
На конференции: 4) В президиуме: т.т. Кабаков. Степанов. На трибуне т Черкасов. 5) делегат-железнодорожник т. Гусев, 6) Делегаты в зале заседания конференции.

Подарки конференции: 7) модель строительства: рабочий закладывает „оппозицию“, мешавшую строить, 8) портрет Ленина, сделанный на коже и самовары—подарки от рабочих, 9) уголок литературы.

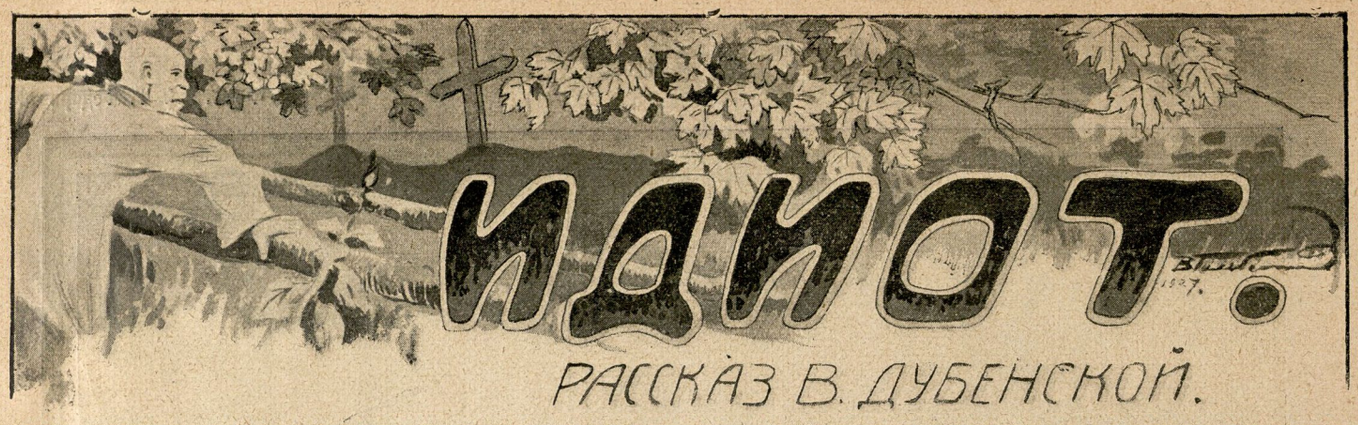
ДЕСЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ в ТУЛЕ.

Фотограф. Г. Федоро а.

1) На углу ул. Коммунаров и Советской, Пляшут под гармошку. 2) Пуск трамвая: первый рейс. 3) Трибуна в Чулкове. 4) На площади Восстания: автомобиль, изображающий индустриализацию страны. 5) Тула ночью. Ул. Коммунаров. 6) Колонна демонстрантов у Дома Советов.

Рис. В. Гильберта.

ИДИОТ.

РАССКАЗ В. ДУБЕНСКОЙ.

Стоит жаркое лето. То и дело несутся по небу тяжелые тучи, сверкают молнии, призрачно освещая фиолетовые глыбы облаков. Перед грозой расползается удушливое томление. На улицах знойно и безлюдно. Трава, камни, асфальт, робко прижавшиеся кое-где цветы одуванчика, одинаково серы от пыли, засорены подсолнухами и окурками папирос На дворе дома, где квартирует дедушка Иван, негде спрятаться от солнца. Бобик, лохматый пес с белыми ушами, перешел уже двадцать раз с места на место, ища прохлады, но ее нет, и он усиленно дышит, высунув красный лепесток языка. В мусоре, спугивая больших синеватых мух, роются куры. Пахнет крышей. У помойки, утонув по колена в жиже, копошится плотная, нескладная фигура. Из-за досок видна бритая голова, приплюснутый нос с текущими из него каплями и огромный, растянутый рот, полный гнилых зубов. Это — Сашка, внук дедушки Ивана. Он изредка почесывает грудь черными от помоев руками и что-то блаженно ворчит, выбирая красные, синие, белые осколки посуды. Когда находится кусок побольше и поцветней, Сашка радостно мурлычет и стонет от удовольствия. Грязные огрызки яблок, арбузные корки, кости он жадно обсасывает, размазывая по лицу вонючую грязь. Кто-то стукнул калиткой. Не вставая залаял Бобик. Сашка испуганно засуетился, неуклюже выпрыгнул из помойки и. трусливо оборачиваясь, кинулся в дом. На скрип двери и сердитое бормотание обернулся старик.

В комнате было бедно, но чисто; на красном одеяле спал кот, перед окном с жердочки на жердочку прыгала канарейка. Дед починял сапоги. На его засаленном фартуке и на полу валялась дратва, и обрезки кожи. Он один жил с внуком-сиротой

Родился Сашка уродом, и давно деду советовали отдать его в приют, да жалко было. Он сам выкармливал мальчика, обмывал, одевал и любил всеми силами своей простой, ласковой души.

— Ах ты, паршивец этакий, неутепа, опять перепачкался! Брось, говорю, склянки!

Сашка виновато наклонился, сопя носом, и отвернулся, упершись лбом в стену.

— Ну, ну, иди сюда, не сердись. Дай уж умою.

Старик кряхтя поднялся, налил воды в глиняный таз и ворча стал обмывать Сашку, выбросил склянки, а к нему придвинул старую, обтрепанную куклу. Тот жадно схватил ее и начал бить с наслаждением по столу. Потом прижал к себе и залез в угол, за постель.

Сашке 17 лет. Его здоровое крепкое тело требует много еды, почти столько, сколько нужно для двух взрослых. Последнее время он стал злей и раздражительней. Порой дед боится его, особенно, когда Сашка начинает кататься по постели, стонать и отвратительно извиваться, брызгая слюной.

— Горемычный ты,— вслух жалеет дед,—тебе-бы бабу нужно.

Он по-своему умеет успокаивать внука. Начинает звонить ложкой о стакан или рассыпает перед ним леденцы. Сашка затихает быстро, бессмысленно и жалко улыбаясь.

* * *

Ласково наклонился над городом вечер. Алыми мазками горит закатное небо. У калиток толпятся ребятишки, играют в часы, орел и решку, бегают по мостовой. Истомно кричит кот из слухового окна.

Дед Иван понес работу, заперев от греха внука на щеколду. Сашка сидит на полу и ест. Иногда ему что-то не нравится, он выплевывает хлеб обратно и снова подлизывает с пола жидкую кашицу.

В комнате легкие тени осторожно начинают красться по углам. Капает вода в рукомойнике. Вдруг кто-то резко забарабанил в окно. Сашка вздрогнул и отпрянул в угол. Забарабанили снова, и две пары детских, плутоватых глаз загорелись в углах окна.

— Глянь, Мишка, испугался! Ну-ка вдарь посильней!

Опять звонкая дробь по окну. Сашка заметался по комнате, натыкаясь на табуретки и стол, жалобно закричал и в припадке дикого, звериного ужаса упал на пол, закрывая дрожащими, искривленными руками голову. Неумолимая дробь раздалась снова и снова. Скуля по собачьи метнулся Сашка к двери и метнулся в нее. Она подалась. Ребята рассыпались горохом, громко хохоча и крича. Обезумев от страха, кинулся Сашка бежать по улице...

Совсем стемнело, когда он перелез через низкую изгородь кладбища. Птицы умолки. Только в траве стрекотали сухо и четко кузнечики. Белыми кривыми черточками раскинулись кресты. Взошла луна, зеленоватой паутиной дрожа скозь листву. Все жило, звучало, дышало таинственным шелестом. Из города хищными птицами кричали автомобили. Сашка потихоньку скулил, хватаясь за деревья и ограды. Потом опустился в траву, закрыв голову от непонятных ему жутких шорохов и стуков ноги. Постепенно его охватило забытье. Вздрагивая, он заснул

* * *

Знойно. Теплым светом солнца опахнуло деревья. На меди распятий горят брызги света. С сухим шелестом сеется ветерок сквозь траву. Тихо. Напевая, между могил бродит женщина, собирая сочную, спелую клубнику. Босые ноги мягко ступают по траве. Сашка проснулся и бессмысленно смотрит на нее из-за памятника. Его тело полно истомой сна и теплом солнца. От вчерашнего страха осталось только слабое, ноющее раздражение в ногах.

Фигура женщины не тревожит его, сливаясь с кустами, заштрихованными голубоватой дымкой. Она мерно двигается, прерывая песнь и опять начиная ее. Белый платок сбился на волосы и из-под него изредка вспыхивают круглые, золотые серьги. Сашка сначала не замечает их, но постепенно блеск начал раздражать, тянуть.

Потихоньку ворча, пополз он из-за памятника. Женщина нагнулась к могиле, шаря под листами травы загорелой рукой. Сашка приостановился, растянув рот неслышным, трясущимся хохотом, потом приподнялся на кривых грязных руках над тра-

вой и дрожащий от нетерпения и радости, пригибаясь к земле, кинулся к ней, потянулся к ее ушам. Женщина ахнула, выпрямилась и прижалась в испуге к кресту. Сашка робко и заискивающе закланялся и снова осторожно, боком заковылял к ней, выражая свое удовольствие ласковым бормотанием.

Обезумев от ужаса, она крикнула и с размаху ударила по трясущемуся, голому черепу Сашки. Тот замотал головой, рассердился и охватил женщину длинными, цепкими руками. К нему прижались горячие, упругие груди, волосы, выбившиеся из-под платка, щекотной, пахнувшей волной упали на его лицо. Пахнуло потом, терпким запахом тела, и темная, жгучая сила неудовлетворенного инстинкта дико заговорила в нем. Он стонал, извивался вместе с трепещущим телом, корчил лицо в отвратительных судорогах, все больше и больше раздражаясь от сопротивления, ударов и крика, тиская мягкие, горячие плечи. Наконец, задыхаясь от страсти, с пеной у рта, Сашка начал бить вырывающуюся женщину о крест, рвать зубами одежду. Постепенно она перестала биться и бессильно повисла на руках у Сашки...

Сашка притих, бросил тело на траву и, еще вздрагивая и стоная, сел на землю. Наконец он совсем замолк и, заметив серьгу, блаженно улыбнулся. Робко протянул он руку и дернул ее к себе и когда блеснуло золото, Сашка радостно крикнул, прижал его к груди окровавленной рукой и заковылял в чащу кустов, трусливо оборачиваясь и кланяясь...

В. Дубенская.

МЕЙШИОХ.

(Очерк из еврейской жизни).

Двадцать лет реб (учитель) Давид—габе (старостой) в синагоге. Привык он к синагогальной грусти, привык к стеариновым свечам, к неумолкающему мурлыканию трясущихся бород с длинными бакенбардам .

— Ой-ой, ой, шма изроэль,— раздавалось то в одном, то в другом углу большой синагоги...

Набожный реб Давид. И семья набожная. По пятницам зажигали свечи, садились за стол, кушали жареную курицу и сладкий цымес (жареная морковь). Потом, как и всегда начинали рассказывать различные майсы.

Старая ребецэ сидела рядом с мужем, Ейцхок с Борухом, Малка с Хаей.

— Киндер (дети —сказал реб Давид.

В комнате было тихо, лишь булькает кофейник: буль-буль-буль и скрипит старческий голос.

— «Завтра шабес.., Завтра шабес... (суббота). Близится время: придет Мейшиох (конец света).

— Мейшиох, Мейшиох,—повторила ребецэ.

Опять заскрипел старческий голос:

— Придет такой человек. Завоет ветер. Потухнет свет, мертвые восстанут из земли...

* * *

Сгорали свечи, сгорали дни. Никогда в доме Давида не было скандалов. Но ведь в семье не без ур да—так говорит народная пословица.

Ейцхок и Борух — большие ребята. Одному семнадцать, а другому пятнадцать. Ейцхок работал взаводе, а Борух учился в школе. Чуждо было Ейцхоку: станки, грязь, копоть. Сперва сторонился, но во всем бывают перемены, а почему у Ейцхока не может быть перемены? Подружился с русскими, подружился с станками.

Не узнать Ейцхока, сына ребе... Записался в комсомол, значек приколол на грудь, книжки русские, да все партийные стал читать.

Домой приходил поздно. Дом, превратился в дом пыток и терзаний.

Борух тоже не отставал от брата. Записался в пионеры, галстук красный повязал, штанишки до колен одел, забросил тфигим (вещи для моления): ну их!

Тоже не узнать малого.

* * *

Никогда в доме Давида не было хазер (свинина). А вдруг дети стали хазер есть. За стол садятся—не молятся, из-за стола выходят, песни орут:

Долой, долой монахов
Раввинов и попов...

Покосились еврейские цадики (святые), висевшие на стенах много лет.

Терпел реб Давид, терпела ребецэ и терпенье лопнуло. Ейцхок и Борух осрамили семью. Старые евреи шушукались:

— Ой, Давид, ну и дети. Книжки, значки, галстуки, без штанов, да и в синагогу не ходят.

— Вот что Вейцхок,— сказал реб Давид,—мне таких детей не надо. Собирайся, уходи, не позорь мой дом, не позорь.

* * *

В синагоге тоже не благополучно. Не все стали зажигать свечи. Всех на пальцах можно пересчитать: реб Давид, реб Абрам, реб Моай, реб Шнуэль.

Собрались в стороне евреи в кучку, укутались в галейсим и все в один голос стонали:

— Мейшиох! Мейшиох!..

А на востоке всходило солнце: теплое, родное. Рождался новый день дымили заводы...

Рождались новые мысли и новая вера в людях...

Борис Берфель.

Оркестр из беспризорных в Туле.

В ПОДЗЕМНОМ ГОРОДЕ.

(Очерк М. Кольчугина).

...Кладовщица Гончарова еще раз откусила картошку, наспех сбила соль и крошки с пальцев, ударив рука об руку, глянулась в цинковое ведро с водой, охорошила шаль на голове:

— Сейчас заправлю, — взяла она с полочки вольфовскую лампу, отвернула сетчатый колпак — крышку, вдернула фитиль, налила керосина...

...По шахтам метался ветер, клубил угольную пыль на штабелях, рвал с поселковых труб дым, мотал вольфовскую лампу в моей руке.

С вышки шахты № 45 виден весь шахтерский Товарковский поселок.

— Садитесь, — попросил верховой рабочий, открывая клеть.

Войдя в клеть, я привесил на перекладину над головой лампу, вытянулся по отвесу, стараясь не качнуть на пути головой, не зацепить рукой или плечом о стену ствола.

— Готово!

Клеть рванулась вверх, осела и плавно пошла вниз. Боковые ролики, жирно смазанные маслом, неслышно катятся по отвесным рельсам. Быстро плывут черные, как смола, венцы вверх, раскачивается лампа... Холодные капли срываются с железных переплетов клети, попадают за ворот и бегут по спине. На полпути послышался шорох: метнулась большим темным куском встречная клеть, нагруженная углем.

...Наша клеть стукнулась о твердый грунт. Передо мной в белозеленоватом свете несколько фигур шахтеров. С клети видно, как в обе стороны от ствола уходят черные коридоры, под потолками яркие электрические лампы, по галлереям гудят вагончики.

Десятник Андронов подошел к клети и спросил:

— Ну, как доехали?

Его сверху по железной трубке предупредили, что едет под землю человек.

Десятник был такой же, как и все шахтеры. На нем широкие брезентовые штаны, брезентовая куртка, картуз. Вся эта одежда пропитана углем и лицо его было черно, как угольная глыбина.

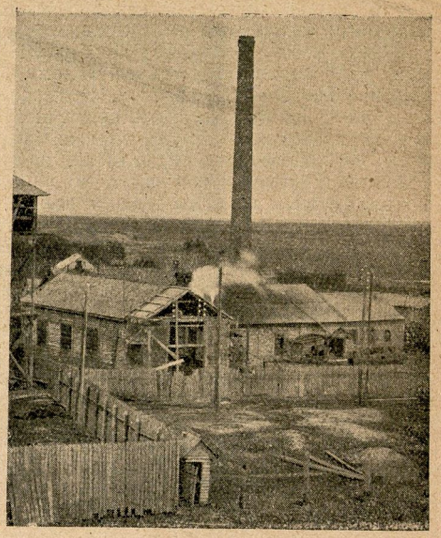
— Осмотритесь, попривыкните, — сказал он.

На клеть вкатили нагруженный углем вагончик; клеть стремительно умчалась вверх и на смену ей пришла вторая за очередным вагончиком с углем. Стволовой выбивал по чугунной доске сигналы: Один удар—«стой»! Два — «подымай груз»! Три — «порожнюю клеть»! Пять — «людей»! и т. д. Стволовой также черен, с черным от пыли куском мела в руках. Он надавливает мелом на черную доску, там остаются белые палочки. На доске 128 палочек — значит сначала смены подняли 128 вагончиков угля. В Товаркове 8 шахт, и восемь стволовых отмечают на досках палочками количество ушедших «на свет» вагончиков с углем. Там под небом, при ветре и морозе, гремят сортировки, льются девичьи песни и без остановки сползает по железным решетчатым лентам уголь. Уголь падает на вагончики. Вагончики с шахт подтягиваются железными канатам к месту погрузки. Они идут один за одним, без людей, словно ощупью. На электростанции гудит электродинамо, приводящая в движение нагруженные вагонетки. И идет с электростанции ток под землю и заливает светом черные земные недра...

Под землей сотни длинных, сырых ходов-галлерей. Галлереи идут по всем направлениям, обходят, пересекают друг друга, заплетаются в кольца.

Заведующий копями т. Шестов, раскрывая толстую тетрадь, где все подсчитано и высчитано, говорит, что весною 1928 г. в Товаркове начнется постройка большой электрической станции в 6500 лошадиных сил. Станция будет давать экономии 250 тыс. руб. в год. Во всех забоях будут работать электрические врубные машины. Электричеством будет подыматься и уголь. Если до революции в Товаркове добыча угля равнялась 4 миллионам пудов в год, то в 1927 г. было добыто 17 миллионов пудов. В старое время забойщик зарабатывал 95 коп., теперь—2 руб 40 коп. в день (в среднем). Сюда нужно прибавить ассигнования средств на культурные работы, страхование и вместо прежнего 12-тичасового рабочего дня — 6-тичасовой. Об этом шахтеры говорят двумя яркими сравнениями:

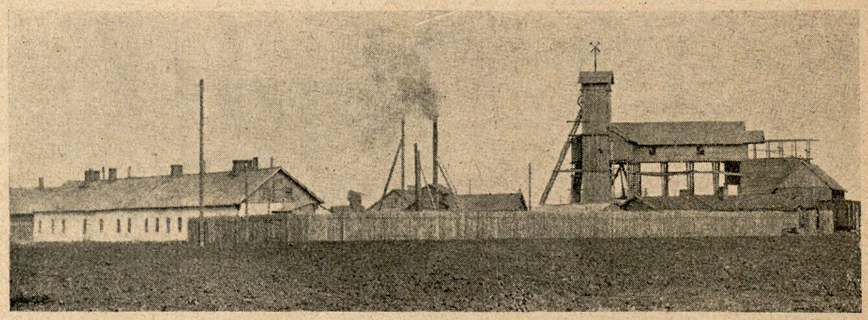
— Раньше шахты были подземными могилами, — теперь стали подземные города.

Электрическая станция центральной группы шахт.

Мы стоим в комнате отдыха. Комната вырублена в угле. Стены, потолок, пол — угольные, и все это густо забрызгано белым песком,—чтобы светлее было. 100-свечевая лампа горит ослепительно. В комнате стол, скамейки, бак с кипятком, чайники, чашки... На стенах плакаты, об'явления, на столе газеты. Мимо комнаты ошалело носятся вагонетки. Там идет центральный железнодорожный путь к стволу.

К стволу, со всех концов, в атаку на угольные недра, идут забойщики. Забойщиков в шахте № 45 — несколько десятков, они ушли каждый в свою сторону по полверсты и более и теперь вернулись назад и со всех сторон, словно звездным путем, идут к одной точке ствола, выбирая из земли угольный пласт.

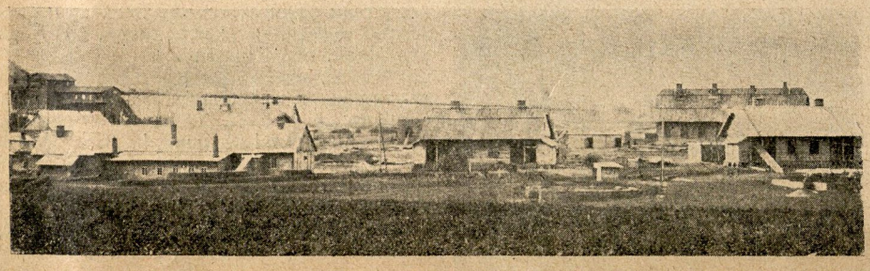

Шахта № 32.

Под землей во всех сторонах ухают молоты. Там, где пласт выбирается, верхняя порода осаживается,—там рушатся колонны, все обваливается, и рядом зарубаются новые коридоры.

И куда ни кинешь взгляд,— везде уголь, уголь и уголь...

На главном раз'езде, где сходятся по пяти и больше вагончиков, где подземную тишину колет грохот колес, где открывается до десятка новых подземных улиц-коридоров, я разговаривал с старым забойщиком, дядей Василием. Он так же, как и все

Центральный поселок товарковских шахтеров.

черен и борода его словно лиственный веник, которым чистят трубу. Мне приятно держать его большую, черную руку. Его рука горяча. Она держит мою руку и, кажется, оттого теплее в шахте.

— Здесь, кажется, воздушный путь,—спросил я.

Дядя Василий улыбнулся, из-за усов мелькнули белые зубы.

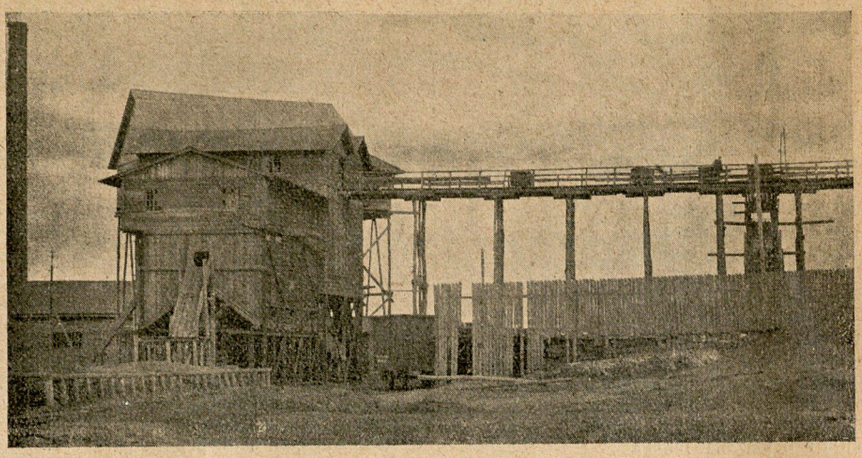
— Да, воздушный. Я по слабости здоровья переведен сюда, где меньше пыли.

Воздушный путь идет горизонтально поперек всех галлерей. Он омывает свежим воздухом все забои. Василий проработал в забое 38 лет и не хочет работать на верху, на солнце.

— Тут мне все знакомо,—говорит он и смеется, довольный, что ему дали нетяжелую работу.—Раньше таких убирали из земли на печку,—добавляет он, подливая из носочка масленки в поворотный круг масла.

— Тут мой хлеб, мой дом. Привык под землей...

После мы шли каменными коридорами. Эти коридоры весьма нежелательны в шахтах. Но их не избегнуть. В земле попадаются камни в миллионы пудов весом. Камень—ни обойти, ни об'ехать. Галлерея идет в гору. На гору не вз'ехать и с горы не с'ехать. Остается прорубать камень. От этого—каменные коридоры. Вышина их достигает 5 сажен, и там вверху идет уголь, там строят из колонн этажи и валят оттуда уголь на дно каменных коридоров.

Механическая сортировка шахты № 27.

По путям сухо, под путями идут желоба, по желобам скрытно журчат потоки воды. Вода идет к машине — дизелю. Дизель усиленно хрипит. Он еле успевает откачивать воду. Дизель взгромоздился на подпорки, и под ним большое озеро воды. У дизеля два человека: механик и рабочий. Механик, как негр, на нем большущая шляпа из березовой коры, в зубах большая трубка. Он подливает масло в стеклянные баночки, подвинчивает то одно, то другое колесики. На столике хлеб, чай, журнал «Горнорабочий» и газета «Правда». Здесь чрезмерно жарко, все в пару, в горячей изморози, и чувствуется присутствие газов.

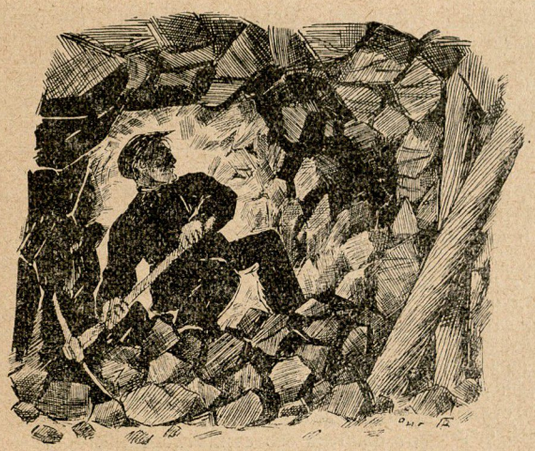
И вспоминаются машины заводов; паровозы, бегущие на раздолье. Этот (дизель) однако запрятан в темь, в недра земли. На меня он брызжет кипятком, дует паром, словно хочет прогнать от себя.

— Не под силу ему,—смеется механик,—вот скоро новый поставим; с тем будет легче и выгодней.

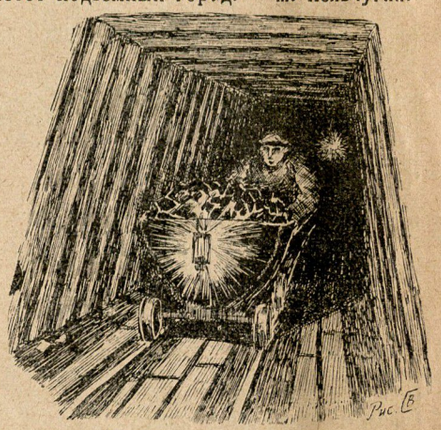
Гремит, бренчит паровик, сосет нутро земли, и выплескивает забираемую воду на землю. Там вверху бьет мощный фонтан день и ночь. И день и ночь льется вода по полю.

Когда я вылезал из клети на поверхность, меня встретила ночь. Сортировка гремела сильнее, чем днем. Десятки девушек копошились у ползущего угля. Они ловко хватали из угля колчедан, глину и отбрасывали в сторону. Ветер налегал на вышку со всей силой, как будто стараясь ее опрокинуть. Но шахта гремела, работала своим чередом.

Я поднял перед собой вольфовскую лампу. Ветер распахнул мой плащ. Поселок горел в электричестве: там кипела жизнь,— там шел спектакль и мелькал на кино-экране «Броненосец Потемкин». Подо мной у вышки захлебывалась водой труба. Под землей идет усиленная работа, там люди беспрестанно прорываются все дальше и дальше. Там растет подземный город. **М. Кольчугин.**

В забое.

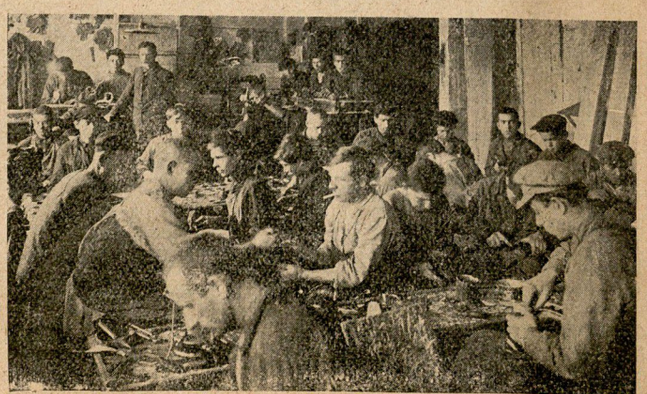

Главный штрек.

ВСЕ НА ПОМОЩЬ ДЕТЯМ!

Коробочная мастерская Деткомиссии.

Сапожная мастерская Деткомиссии.

Из литературного опыта

Метель.

Распустила косы белые
За окном моим метель
И уж скоро сутки целые
Стелет белую постель.
Блещут ярко очи синие
Через пряди белых кос,
На ресницах звезды инея
И алмазы тихих слез.
Словно девушка прелестная
Над постелью жениха,
Розы белые чудесные
Сыплет в рыхлые снега.
И невольно юность грезится
И далекое село,
Где с такой же милой встретиться
Мне однажды привелось.

Г. Куликов.

Осеннее.

Это ветер вскружил листопад
И умчался в протяжном свисте.
Догорает осенний сад,
Загоревшийся радугой листьев.
Это ветер запел на полях,
Разгулявшись, как буйный повольник,
И звенит высоко в облаках
Журавлей перелетных угольник.
Осень, осень, в полях, гляди,
Не твои-ль сини — кудри поникнуты.
Слышу сердце взметнулось в груди,
Бьется, будто журавль покинутый.
Что чудак я ищу в вышине,
Как журавль вытягиваю шею.
Все равно не улететь мне с нею,
С дикой стаей серых журавлей.
И куда то плывут облака,
И ложится на сердце тоска.
Как туманы бесшумно легли
В опустевшей безмолвной дали.
Что-то вспомнилось, что то жаль,
И туманами синими льет река.
Прозвенела вечерняя даль
Голосами гусиного окрика.

В. Юрков.

Зимней зарей.

За селом, в усталой непогоде,
Где рассвет с кумачной бородой,—
Шьет метелица по новой моде
Сарафан березке молодой.
На пригорке звезды белым маком
Заливают лунные поля.
Пламенеющим лучистым лаком
Рукава окрасила заря.
Отцветает месяц над поляной.
Осыпается лебяжий пух.
На селе надрывисто и рьяно
Голосит заботливый петух.
Заморгали окнами избушки,
Утопившие нужду во сне.
Поскорей-бы зимней деревушке
Рассказать о трепетной весне.

Иван Кокарев.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ.

БЕСЕДА 1-я.

Нужна учеба.

«Уважаемая редакция, у меня в душе клокочет большая охота в поэтическом производстве. В данный момент у меня имеется не один десяток стихотворений на всевозможные темы, изложенные с современным содержанием».

«Уважаемый тов. редактор. Я уже давно интересуюсь поэтическою деятельностью и у меня, вообще, есть желание писать стихи, которых у меня имеется уже 6 штук».

«У меня особое стремление к письму стихов».

Все эти выдержки из писем людей, больных «стихотворной болезнью». К таким письмам всегда прилагаются целые вороха стихов. Стихи эти, сплошь и рядом, наивны, нелепы и безграмотны не только со стороны формы и содержания, но даже и со стороны грамматики.

В таких стихах чаще всего обращается внимание на рифму. Но и она сплошь и рядом бывает безнадежно слаба. К крайнему прискорбию нужно заметить, что такие безнадежные стихи бывают у людей малограмотных, которые и впредь не думают повышать свою грамотность Кто-то им втемяшил в голову, что они поэты, и вот они сидят, марают дестями бумагу, даже и не подозревая, что «стихотворное производство», как выражается один из приведенных выше товарищей, требует большой и многолетней выучки и, несомненно, известной доли талантливости. Без этих двух условий, конечно, ни о каких стихах, не может быть и речи.

Английский знаток стиха Кольридж говорит: «Поэзия есть лучшие слова в лучшем порядке». Другой известный француз-стиховед Теодор де-Банвиль утверждает, что «поэзия есть то, что сотворено и не нуждается в переделке» и, наконец, наш русский, один из известнейших мастеров стиха, Н. Гумилев называет стихи «высшей формой речи».

Попробуем примерить, подойдут-ли к какому-либо из этих определений стихи, присланные нам некоторыми товарищами. Вот стихотворение М. Котельникова из гор. Алексина. Называется оно «На селе».

На селе у нас
Хороводы водят,
А я с миленьким иду
В хороводы играт.

Даже человеку, плохо разбирающемуся в стихах, понятно, что в таких стихах что-то неладно. А неладно в них то, что они неграмотно написаны вообще, а потом в них нет самых простых признаков, которые должны быть в стихотворении, это размера, ударности и рифмы.

Далее Котельников своей милой говорит:

Ах, ты милочка,
Пионерочка,
Я люблю тебя
Прежде времячка.

Вот тут хоть и по частушечному вышло, но уже лучше. Просто, понятно и поется легко. Быть может эти четыре строчки Котельникову и не принадлежат, а созданы так, как вообще создается частушка. Котельников, возможно, взял на себя труд только записать их.

Вот второе стихотворение, уже другого товарища, В. Хирсанова. Начинает он его так:

Пусть молчит остывшееся дуло,
Пусть быстрей вертятся все станки,
Когда нужно, заготовит Тула
Пулемет, наганы и штыки.
А теперь мы строим под собачий лай
Нэпачей пузатых и попов.
Двинули по городу трамвай
— При ребята жми на кулаков.

Хирсанов думает, что для того, чтобы писать стихи, достаточно подобрать рифму и дело будет в шляпе. А что безграмотно, бессмысленно, — до этого ему дела нет. Отсюда у него и такие вот грубые ошибки, как «остывшееся» дуло, вместо «остывшее дуло», «вертятся все станки», хотя еще никто ни разу не видел, чтобы станки «вертелись». Вертятся колеса, шкивы, маховики, но никак не станки, т. Хирсанов.

Дальше. Если перевести последние 4 строчки с стихотворения Хирсановского языка на обыкновенный человеческий, то это значит, что мы, под собачий лай нэпачей и попов, строим наше хозяйство. Пример: постройка трамвая. Так хотел сказать Хирсанов. Но, посмотрите, что у него получилось: выходит, что мы под какой-то «собачий лай» строим нэпачей пузатых и попов... Иначе никак прочитать нельзя.

Вот, как коварно подводит рифма поэта, который плохо грамотен и не умеет правильно излагать свои мысли на бумаге.

Есть такие поэты, которые, нахватав различных высокопарных слов и образов, вопреки здравому смыслу, уснащают ими свои стихи. Примером такого рода «словесной вермишели» могут служить стихи, правда, еще мальчика, некоего Гроздюшки. Вот одно из его стихотворений:

Сегодня день струится,
Как солнечная медь.
У врат нашей столицы
Мне хочется так петь,
Чтоб слышали заводы
Сквозь дым огня времен,
Сияли небосводы
Октябрьским огнем.

Стоит ли говорить о том, что в этом рифмованном наборе слов никакой поэзии нет. Вообще Гроздюшке в его возрасте нужно много и очень много учиться и работать.

Такие образцы можно было бы продолжать без конца.

Цель нашей первой беседы сводилась к тому, чтобы показать начинающим поэтам-рабочим и крестьянам, что без предварительной подготовки, без соответствующей учебы стихов писать, а тем более печатать, нельзя. Теперь мы привели только образцы плохих стихотворений. В следующем номере «Молота» мы постараемся остановиться на этом вопросе уже поподробнее.

Алексей Медведев.

Сатира и Юмор

100.000.

(Рассказ Ф. Кузнецова).

Чорт возьми, какое счастье. Счастье, вообще говоря, глупая вещь. Это неважно. Я встречал много кусочков счастья, но все они затерялись в пыли истории. Но бывает счастье, точно солнце, от которого вы или ослепнете окончательно, или будете сиять, как бриллиант, и все вы будете видеть в розовом свете.

Но довольно философии. Передо мной газета, в ней так выпукло, как кажется мне, отпечатан номер моего билета: № 5160, 5160, 5160... на который пал выигрыш в 100.000 р. Куда я, ни повернусь, этот номер стоит передо мной. Я не выдерживаю и лечу, как сумасшедший, к хозяйке. Открываю комнату. Бросаюсь ей на шею и целую ее.

— Болван... сумасшедший... — произносит она.

— Благодарю вас... Я счастлив...

Облезлая старая хозяйская собака подвернулась мне под ноги. Я в восторге обнял ее:

— Мордашка! Дружок, прости меня за прошлые обиды. Теперь моя нога не коснется твоих старых ребер. Ты понимаешь меня? Нет?

Дружок ласково завилял хвостом.

— Я выиграл 100 тысяч! Дружок, как только получу деньги, то куплю тебе 10 ф. колбасы 1-го сорта. На, мол, кушай. Дружок, не поминай меня лихом!

100.000, а? Как это вам нравится? Однако, что я буду на них делать? Службу, конечно, оставлю. Но что же я буду делать? Торговать? Ну, нет, — пусть этим занимаются нэпманы. А я, я куплю себе дом в Крыму, на берегу моря. Заведу моторную лодку и буду кататься. Виноградник разведу, и кушай в свое удовольствие! Весьма полезная штука!

Давно я мечтаю о юге, и вот мечта сбывается.

Знакомство я буду теперь вести только с ответственными работниками; перемена, так перемена... Все прошлое к чорту!

— Петька, ты не во сне?—спросил я сам себя и ущипнул. Больно... жив... Живи, над тобой не каплет. Живи... Счастливый ты человек стал.

Вошла хозяйка:

— Петр Иванович, хотите кушать?

— Нет, благодарю вас.

Почуяла старуха, кушать предлагает. Раньше в большой праздник и картошки сырой не предлагала.

Курить, но что курить: — сигары еще нет, а махорка все горло переточила. Нет, обожду. Крым, дача, сигара, солнце. Какое счастье жить на этом свете!.

Я схватил номер счастливой газеты и отправился в банк. Я бежал, толкая людей, ни на кого не обращая внимания... а сердце билось, мозг горел цифрами 100.000, и казалось, что этот номер сверкает так соблазнительно на всех магазинных вывесках.

Вбегаю сам не свой в банк... Подаю газету служащему в очках и тыкаю дрожащим пальцем в номер:

— Вот, справьтесь!

Человек в очках улыбается. Потом стал смотреть таблицу. Смотрел, смотрел, подал мне таблицу и говорит:

— Товарищ, в газете опечатка... номер выигрыша 6150... перестановка цифр...

Дальше я не стал слушать. Не помню, как я добрался домой, здесь я опять встретил Дружка, которого зло толкнул ногой. Последний отчаянно завизжал. Хозяйка выбежала из своей комнаты и закричала:

— Подлец, хулиган... Какое ты имеешь право бить собаку?

— Ах, оставьте меня в покое, — я рванул дверь и бросился на кровать. Не помню, что со мной было дальше. Только очнулся я рано утром, когда гудел заводский гудок.

— Ну, брат, будет дурить, — сказал я сам себе, вскакивая с кровати, — отмечтался и довольно. Пора за работу, здесь уж дело верное. Здесь уж перестановка цифр не подведет.

Ф. Кузнецов.

Затмение мозгов.

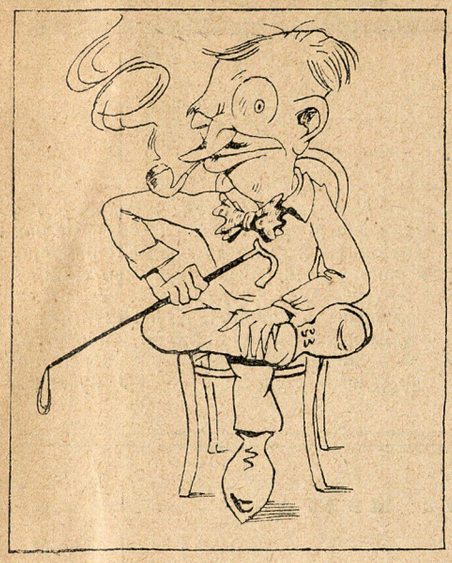
Рис. А. Ларчева.

Свежие новости о большевиках (в непосредственной связи с лунным затмением).

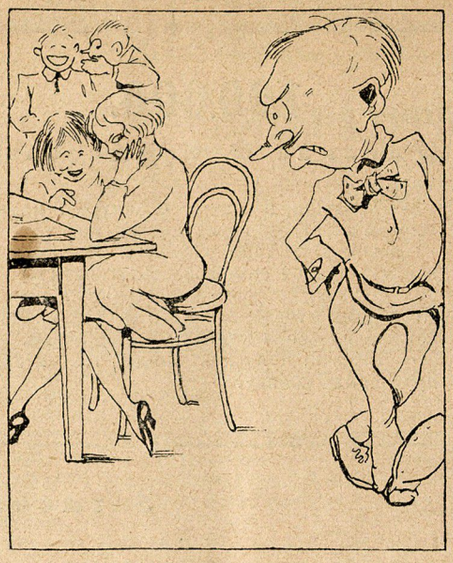
ПОХОЖДЕНИЕ ПУПЛИЯ АНЮТОГЛАЗКИНА.

Рис. В. Сэпп, текст А. Лесного.

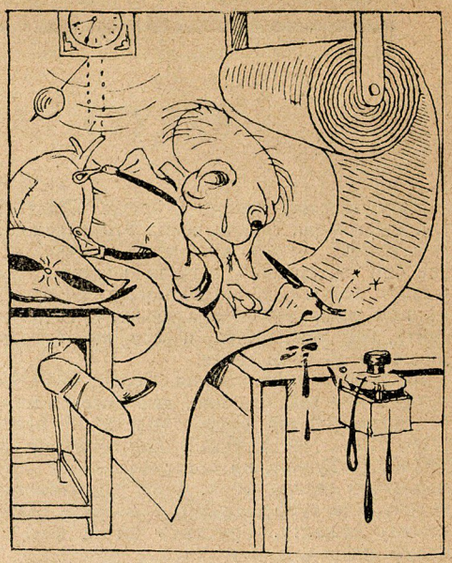
1.

Один лишь глаз, и тот орех,
А нос—турецкой туфлей.
Вот создан нами для потех
Анютоглазкин Пуплий.

2.

Все неприветливы к нему,
Все думают — не глуп ли?
И все лишь только потому,
Что имя его Пуплий.

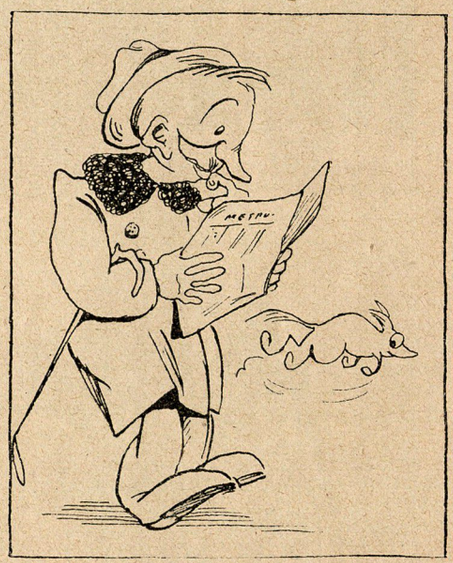
3.

Анютоглазкину не в мочь
Такое отношенье,
И Пуплий в ЗАГС катал всю ночь
Большое заявленье.

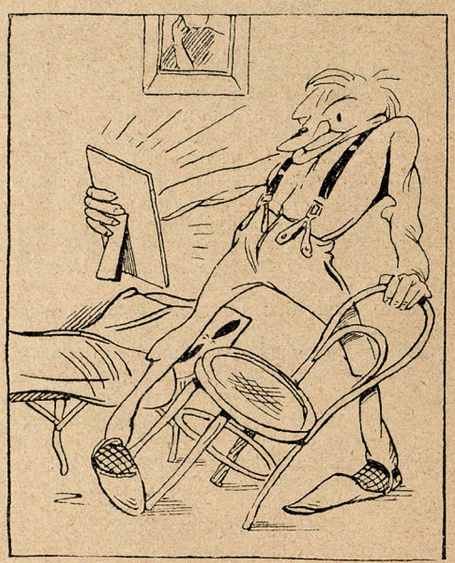
4.

Наш Пуплий в Загс'е. Пуплий знал
Красивых слов обилие;
Товарищ, дело так и так,
Хочу менять фамилию.

5.

Прошла неделя или две,
Не больше, в общем, года,
Документ новенький в руке
Сжимал наш Пуплий гордо.

6.

А дома, в зеркало глядя,
Лицо и шею вымыв,
Он грозно молвил: — «это я»!
Я — Поршень Трубодымов!

(Подолжение следует).

ВЫПИСЫВАЕШЬ ЛИ ТЫ

журнал

МОЛОТ?

Цена журнала—**10** к. для подписчиков „Коммунара", „Деревенской Правды" и „Известий". **15** к.—для прочих.

При подписке на газеты не забудьте подписаться и на журнал „МОЛОТ".

ИЗ ЖУРНАЛОВ.

Не пеняй на зеркало...

Рассеянный администратор: Чорт знает до чего стенгазеты распоясались!. Нельзя же изображать мене в таком безобразном виде.

На месте.

— Скажите, где Управделами?—Рядом с помом. — А где пом? Рядом с завом! А где зав? — Известно где, — в тюрьме!

Большая скидка.

— Подайте, гражданин! Ведь с вас может быть треть жалованья в мою пользу причитается,—а я с вас только три копейки прошу.

Кустари вздувают цены на гармошки.

— И до чего же жалобно играет—прямо плачет.

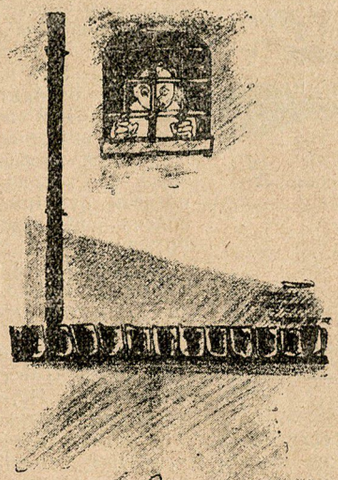
— Эх, Маша! это денежки плачут, которые за нее плачены!

По пословице „хлеб соль ешь, а правду режь".

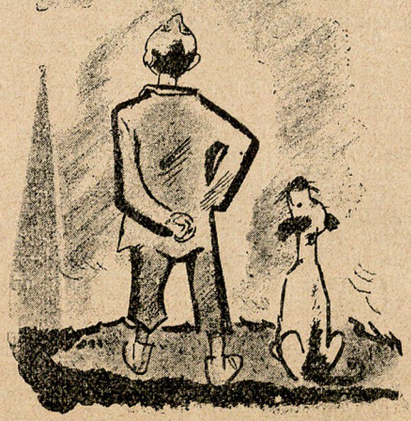
— Где же заметка, в которой зава протащили?

— Да он ее вырезал...

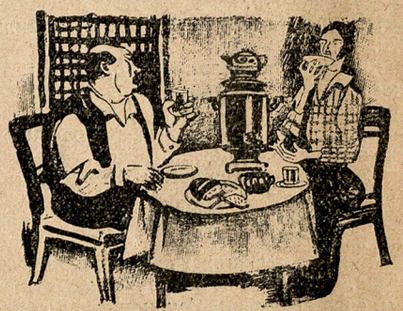

Несознательный «алимент».

Вы как, гражданин, сюда попали-то: по делу или по командировке?

— Говорят в скорости чай подорожает. А с чего бы?

— А чорт их разберет! Должно быть Сунь-Фунь-Чай зашел в тыл Чай-Фунь-Суню...

САША В ОППОЗИЦИИ.

(Рассказ В. Питерского).

В клубной читальне вокруг двух шашечных чемпионов собралась порядочная кучка зрителей. Игра шла с переменным успехом, что еще более интересовало окружающих.

К играющим подошел Саша Евстигнеев—кандидат партии с 1926 года, славившийся, как один из лучших игроков.

— Ну-ка, Саша, сгоняем что-ли одну партию,— обратился к нему один из его приятелей.

— Не желаю,— резко отрезал Саша.

— Чего это ты фасон то дерешь, аль разбогател?

— Не желаю и все тут... я теперь в оппозиции...

Окружающие удивленно вытаращили глаза, а игроки даже перепутали шашки.

— В какой оппозиции?—с недоумением спросил кто-то.

— В какой, в какой,—передразнил Саша,— в самой обыкновенной—в дискуссионной!

— А ты как, не того?—и один из приятелей понюхал Сашины усы.

— И затылок не горячий,—сказал другой, пощупав Сашину голову.

— Да убирайтесь вы к чорту! — отмахнулся Саша,— я не пьян и с ума не сошел... в оппозиции я, поняли?

— А что это за штука? — подзадорили его сзади.

— Да что вы, в самом деле, привязались, точно собаку дразните!

— Погоди, ты не горячись,— остановил его товарищ по мастерской токарь Семенов,— расскажи-ка лучше, как это тебя угораздило...

Не желаю..., Я теперь в оппозиции.

— Ничего не угораздило, а я вполне сознательно.. сахару нет? — нет,— загнул он палец, зажим есть? — есть..

— Ну, еще что?

— Ну еще там... да, вообще, неправильности.

— Какие неправильности-то, скажи ты толком!

— Сахару нет!

— Как нет? Сегодня везде рафинаду сколько хочешь. Ну был перебой, так, ведь, это Сахаротрест во-время не поставил. Ты читал газету-то?

— Не желаю я ничего читать... в оппозиции я.

Товарищи разразились дружным хохотом.

— Ой, уморил, шут гороховой, утирая слезы, едва выговорил Семенов.—Ну ответь ты хоть на второй-то вопрос,— кто тебя зажимает?

— А на последнем собрании кто мне слова не давал?--вы. Кто шикал?—вы. Кто вывести обещал? — вы.

— Позволь, позволь, так ты же оратора перебивал, председателя ругал... разве ж так можно? Почему на трибуну не пошел, когда тебе слово дали?

— Не желаю я с трибуны говорить, я с места хочу.

— Нет такого порядку, чтобы кавардак устраивать...

— А рот затыкать есть порядок? Против я таких порядков! Долой, иду в оппозицию и никаких гвоздей!

Саша, весь красный от злости, дрожащими руками вытащил папироску.

— Товарищ, здесь курить нельзя,—строго сказал библиотекарь.

— Пшел к чортовой бабушке,—взвизгнул Саша и, выпустив густой клуб дыма, придвинулся к товарищам.

— Это что, не зажим? Курить нельзя, плевать нельзя, чихать нельзя... да за что же боролись то, братишки? Где она слобода-то?

Но тут он был оглушен таким могучим взрывом хохота, что только плюнул и, махнув рукой, выскочил в коридор.

* * *

На другой день, в мастерской только и разговору было, что о Сашке.

Когда к нему подошел мастер с каким-то замечанием, с соседнего станка крикнули:— не трожь его, он в оппозиции.

Мастер удивленно вытаращил глаза и сдвинул очки на лоб.

— Чего уставился, Федор Лукич, ты спроси-ка-его, почем в оппозиции сахар.. у них говорят, 50 процентов скидки...

— Оставите вы меня в покое, или нет?— окрысился Саша.

— Молчи, молчи,— закричали кругом на шутника,— а то в зажиме еще обвинит.

В обеденный перерыв Сашу вызвал отсек и без большого труда „расколол" его по всем пунктам. Не спасли Сашу ни сахар, ни зажим.

— Брось, Саша, эту волынку,— дружелюбно сказал ему отсек, окончив беседу.—будь честным партийцем, как раньше, и не смеши публику. Ну, какой из тебя оппозиционер, если ты еще и политграмоту-то толком не изучил. Ну, кончим, что-ли? — и отсек протянул Саше руку.

— Все равно я в оппозиции,— выпалил Саша.

— Да чего тебе нужно-то? Чего ты ерепенишься-то?

— А то, что год я в партии и все у станка прею. Я, может, желаю на ответственную работу!

— Э... э... Сашуха, дело-то выходит хужее,— нахмурился отсек и грустно покачал головой. Ну, пока всего, одумайся, Сашка, скверную ты музыку затеял.

— Не твое дело,— буркнул Саша и, презрительно сплюнув, вышел.

Когда Саша вышел за ворота, его догнал конторщик Кочетков и ласково потянул за рукав.

Саша не любил Кочеткова. Этот быстроглазый и юркий человечек был раньше меньшевиком, потом покаялся через газету, где разъяснил, что он де идет отныне в ногу с партией, но при каждом удобном случае любил подхихикнуть над властью, или пустить панический слушок.

Я может желаю на ответственную работу.

— Погоди-ка минуточку,— сказал Кочетков,— куда торопишься? Зайдем в пивнуху.

— Денег нет,— недружелюбно отрезал Саша.

— Ладно, сочтемся,— хихикнул Кочетков,— для милого дружка—сережка из ушка.

— Нравишься, брат, ты мне, Евстигнеев. Твердо, брат, ты свою линию держишь, и теперь я тебе первый друг.

Саша, ставший общим посмешищем, был рад всякому сочувствию; он быстро отмяк и после третьей пары, убаюканный сладкими речами Кочеткова, ораторствовал.

— Кто мне может запретить быть оппозицией? Хочу и баста! У меня, скажем, свое мнение!

— Правильно, Евстигнеев, правильно. Ежели демократия, так демократия... свобода слова, собраний, печати.

— К... какой печати?—тревожно спросил вдруг Саша.

— Какой? — хихикнул как-то трусливо Кочетков,— вот этакой... и, достав из кармана сороковку, он ловко сбил с нее сургуч.

* * *

На следующее утро Саша на работу не вышел. Голова трещала, во рту была какая-то кислятина и тело томила душная тошнота. Когда Саша вышел на улицу, его окликнул частный лавочник Толстозадов.

— Здрасте, Александр Степаныч,—почтительно приветствовал он Сашу,

Саша остолбенел. Лавочник этот был его первым врагом за то, что Саша однажды подвел его под штраф, прокатив в газете.

А сейчас Толстозадов улыбался и ластился к нему, щурясь, как раздобревший кот.

— Ручку-с, дорогой Александр Степаныч, может загляните на минуточку?

— Ну, в чем дело? — проворчал Саша, переступая порог лавченки.

— Пройдемте в заднюю комнатку, спиртец у меня тут есть, замечательный. Да что это у вас вид какой? Краше в гроб кладут.

— С похмелья...

— Вот-с в самый раз и поправимся. Я тоже маленечко заложил вчера за здоровье оппозиции.

— А вы тоже этим интересуетесь?

— Как же с, как же с... за политикой я очень даже слежу и, вообще, как красный купец, конечно, за социализм и всяческие там индустриализации. Пожалуйте стаканчик... за ваше драгоценное.

— Выпили. После первой, как говорится, не дышат,-- разливался соловьем Толстозадов,— давайте по второй.. а тем временем яишенка поспеет.

Через несколько минут на столе появилась разнообразная закуска, а за нею другая бутылочка и дюжина пива.

Сашины глаза заволоклись зеленым туманом, и как сквозь сон до него доносились слова:

— Конечно, социализм мы построим и, так сказать, электрификация там и все такое... только поправочки, поправочки, конечно, нужны...

Больше Саша ничего не слышал и очнулся только поздно вечером.

Когда он сел дома за стол, его поразила необычайная закуска: на тарелках лежали осетрина, двух сортов колбаса, консервы и даже кулек конфект.

—¡Откуда это? Аль разбогатела?—спросил он суетившуюся у стола мать.

— В почет ты, родимый, попал, в поче...ет— ласково затараторила старушка.

— Какой почет? Чего мелешь? Когда это у нас бывало перед самой получкой?

— Микифор Парамоныч, дай ему бог здоровья, он тебя и привел домой-то. Оченно я, говорит, вашего сынка уважаю... башковитый он человек. Желаю, грит, с ним в дружбе быть, поэтому он, грит, в энтой самой... как это, господи, дай памяти... слово такое еще мудреное ..

— Какое еще там слово?

— Пропа... диция, не то распадиция какая-то... на тощак-то и не выговоришь...

Саша угрюмо оглядел закуски и, не дотронувшись ни до чего, рухнул на постель.

***

Дня через два к Саше зашел Толстозадов и сказал:—Пойдем-ка Александр Степаныч

И теперь я тебе первый друг.

ко мне. У меня, брат, сегодня баба именинница.

Саша хотел было отказаться, но дома сидеть было скучно, а в клуб итти ие хотелось во избежание насмешек товарищей.

Толстозадов потянулся к Саше через стол...

У Толстозадова в квартире было шумно и людно. Публика была самая пестрая Бывший генерал, торгующий потихоньку водкой, гадалки из бывших статских советниц, какой-то обомшелый старичек из консисторских крыс, пара рыхлых дам с фальшивыми бриллиантами и неопределенной профессии молодые люди с витиеватыми шевелюрами.

— Прошу любить да жаловать,— весело сказал Толстозадов,— знакомя Сашу с гостями,— позвольте вам представить товарища Евстигнеева—моего друга и приятеля. В оппозиции он—тихо шептал Толстозадов, наклоняясь к гостям. Все приветливо заулыбались. Саше вдруг сделалось противно. Ощущение было такое, точно он попал в выгребную яму и не может из нее выкарабкаться.

— А это—батюшка наш, отец Панфил, от «спаса на карачках»,— пропел над Сашиным ухом хозяин.

Саша вздрогнул... ему дружелюбно кивал лохматый и брюхатый поп. Когда Саша взял его руку, ему показалось, что он поймал жабу...

Усадили его между попом и бывшим генералом под самые образа.

Когда выпили по первой, поп обратился к Саше. — Я хоть и служитель культа, но стою всегда за прогресс... я с советской властью всегда в ногу шел... ибо в писании сказано: «несть бо власть»...

— Будет вам, батюшка, философствовать, давайте-ка по второй,—предложил бывший генерал.

— Со господцем,—заторопился поп, опрокидывая лафитник.

Понемногу гости хмелели, и разговор стал шумнее.

Одни вспоминали старину, другие ругали «фин», третьи жаловались вообще на тяжелые времена.

Поп полез было к Саше целоваться, но Саша грубо его оттолкнул и насторожился. К нему лезли чокаться, он делал вид, что пьет и выплескивал водку под стол.

Вдруг Толстозадов грузно поднялся и, подняв лафитник, провозгласил. За здоровье нашего дорогого гостя господин-товарища Евстигнеева, как он есть в оппозиции...

— Браво, браво,— закричали кругом.

— Давай же облобызаемся,— проревел Толстозадов и потянулся к Саше через стол, роняя бутылки и размазывая закуски.— Об... ло... бызаемся, Алексаша, ты наша надеж...

Резкий и звонкий удар костлявого кулака не дал договорить Толстозадову. Он тяжело рухнул навзничь, потянув за собой скатерть... Сбив другим ударом со стула попа, Саша вскочил и, разорвав ворот, крикнул: — сволочи, гады ползучие!... я вам покажу, какая она оппозиция!

***

На другой день Саша твердым шагом вошел в ячейку и, подойдя к столу отсека, сказал: — кончено, будет дурака валять!

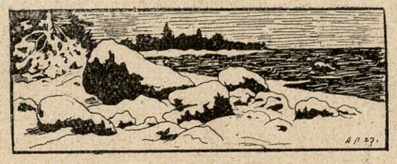
— Ты чего собственно? — спросил удивленно отсек.

— А того, что кончилась моя оппозиция раз и навсегда. Знать больше не хочу никакой оппозиции.

— Кто же это тебя так быстро сагитнул?

— Кулак Толстозадов с попом Панфилом!—выпалил Саша в разинутый от изумления рот отсека.

В. Питерский.

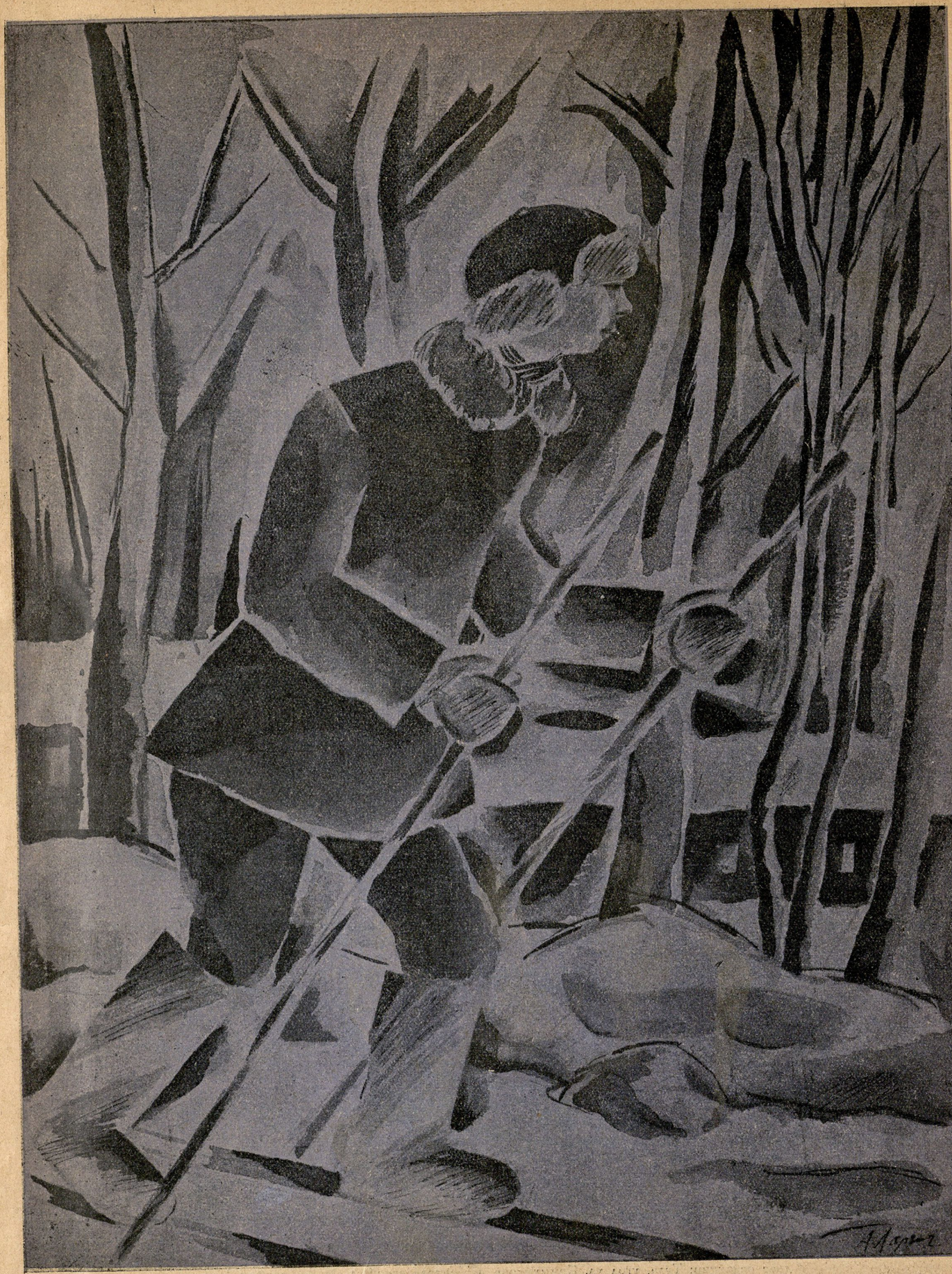
~~Н6208~~

Издатель— газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Адрес редакции: Тула, угол ул. Коммунаров и Менделеевской, д. № 2. Телефон 1-76.

Гублит № 1925. Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 6734 Тираж — 1500 экз.

ЛЫЖНИК. Рис. А. Ларчева.

